

ЗА ВНЕШНЕЙ ПРОСТОТОЙ СЮЖЕТА

На сцене Государственного Русского драматического театра поставлена пьеса прогрессивного французского драматурга Жана Кокто «Священные чудовища». Сюжет ее, на первый взгляд, очень незатейлив, почти банален. Классический любовный треугольник составляет конфликт произведения. Большая актриса, преданно любящая мужа, верная своему долгу и призванию, Эстер остро переживает драму измены Флорана, влюбившегося в молодую актрису Лиан.

Сложный психологический рисунок роли главной героини в талантливом исполнении народной артистки РСФСР и ЯАССР Н. Константиновой мастерски передан через голос, жест, мимику. Ее Эстер одновременно величественна и трогательна.

Флоран в исполнении В. Жакова двоедушен, слаб, растерян. Актер убедительно акцентирует моменты, в которых наиболее характерно выражается авторская позиция.

Прекрасно исполнены роли второстепенных персонажей пьесы (Шарлотты, Люлю, старухи) актрисами В. Дамченко, Г. Новоселовой, Т. Доброскок. Музыкальное сопровождение спектакля отряжками из классических и современных произведений, осуществленное С. Черниговским, соответствует смыслу каждого отдельного акта, точно аккомпанирует определенному настроению.

Актёрский ансамбль донес до зрителя одну из ведущих мыслей пьесы: любовь и доброта — это непреходящие ценности, прекрасные и притягательные во все времена и для всех народов. Однако замысел автора был глубже, несмотря на обманчивую простоту в высшей степени мирного сюжета.

Произведение создано в 1940 году. Импульсом к его написанию послужила тревога автора за будущее своей страны, раздумья над сутью фашизма, его природой и корнями. Ж. Кокто усматривает исходное начало фашизма в индивидуализме, бездуховности, которые могут прорасти в

человеке, если он одержим себялюбием. Особенно тревожит Ж. Кокто возможность применения подобного умонастроения в то, что ему представляется «святая святых» — в мир искусства. Отсюда и название пьесы — «Священные чудовища», то есть служители священного, превратившиеся в чудовищ без ума и сердца.

Жанр этого произведения определен как театральный фарс, где природа комического близка гоголевскому смеху сквозь слезы. Большую смысловую нагрузку в нем несут две сцены, где звучит неудержимый хохот. Эстер хохочет, как безумная, потрясенная изменой Флорана. «Мы одержимы друг другом, — говорит она, — но все это оказалось гнусным фарсом». В финальной сцене хохочут все после развязки конфликта. Смех в обеих сценах служит фарсовому снижению идиллии.

Зловещим и тонким символом реальной жизни, которой не знала Эстер, выступает старуха с нервным тиком — образ болезненного, ненормального состояния современного общества. Ее появление в спектакле как раз в моменты обманижения грубой жизненной правды сопровождается истеричным хохотом персонажей. Она — знак того, что в пьесу врывается открытое авторское отношение к изображаемому.

В ремарке есть приведенное по законам фарса парадоксальная фраза: «Главная цель спектакля — вывести зрителя из гипноза войны», которая тут же расшифровывается примечанием: «Только после спектакля зритель должен подумать: „...в какое время все это происходит?“. Если этого добьется автор вместе с художниками и исполнителями — цель достигнута». Театр, делается, реализовал авторский замысел лишь частично.

В постановка финал спектакля скорее сентиментален, чем фарсов. Флоран прощен полностью и окончательно, принят почти не осознавшим свое поведение.

«Священные чудовища» — это пьеса-предостережение. В режиссерском решении П. Колбасина намек на грозящую опасность присутствует в выразительном дикторском слове и в своеобразной экспозиции, когда спектакль открывается картиной смутно виднеющихся в перспективе сцены призрачных тел повешенных. Перед нами картина человеческой катастрофы. Ж. Кокто связывает общечеловеческую трагедию с сюжетом пьесы через фарсовое начало, постановка же не вернулась больше к мировой проблеме, ограничившись лишь декларацией замечательной фразы из произведения: «Самый плохой актер на свете — глава государства, посылающий людей на смерть», никак сценически не реализовав ее. Сентиментальная идиллия без достаточно яркого фарсового начала ограничивает смысл пьесы.

Смех, обозначенный ремаркой автора, звучит в финале, но не выполняет своей роли, и зритель уходит со спектакля или неудовлетворенный, или размякленный, благодушно успокоенный счастливым концом любовной драмы.

Между тем, творческая задача Ж. Кокто заключалась в том, чтобы написанное им привело в движение общественные силы, заставило их действовать, изменить мир к лучшему. Поэтому и сегодня важно выносить на первый план мысль «Священных чудовищ».

Г. АНДРЕЕВА,
доцент кафедры русской
и зарубежной литературы
ЯГУ, кандидат филологических наук

16 APR 1986

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ